

УДК 398.8(=161.1)(470.344)

М. И. Журина

СИМВОЛИКА ГОРОДСКИХ ПЕСЕН, ЗАПИСАННЫХ В ЧУВАШИИ

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье исследуется символика городских песен, записанных от русских жителей Алатырского и Порецкого районов Чувашской Республики, впервые вводимых в научный оборот. Определяется преобладающий характер символики в пределах данного жанра фольклора, изучается неоднородность песенной символики, представленной числовыми, цветовыми, растительными и христианскими символами, рассматриваются стилистические и композиционные формы ее выражения, выявляются региональное своеобразие и жанрово-стилевая специфика.

Ключевые слова: *городская песня, символика, поэтика, жанр, Чувашия, параллелизм.*

Актуальность исследуемой проблемы. В истории изучения городских песен в российской фольклористике различают периоды угасания и всплеска исследовательского интереса к этому явлению народной песенной культуры. В 20-е гг. XX в. городская фольклорная песня занимает прочное место в записях советских фольклористов. Однако очень скоро в оценке этого позднего по времени возникновения корпуса песен был взят на вооружение классовый подход. Городские песни воспринимались как «чуждые быту советского человека, мещанские обывательские песенки, в которых передаются упадочнические настроения» [12, с. 52]. Эстетическая ценность произведений этого жанра фольклора ставится под сомнение, а исследовательские обращения к ним с 30-х до 80-х гг. XX в. становятся крайне редкими и, как правило, порицающими. Довольно длительное игнорирование городской песни сменяется повышенным вниманием к ней на рубеже XX–XXI вв.: пишутся диссертации, издаются региональные сборники песенных текстов. Обаяние их поэтики, их современное бытование, структурные и функциональные особенности, жанровое своеобразие и сюжетный состав и другие проблемы их изучения составляют актуальные направления современного песенноведения, способствуя созданию более полной истории фольклористического знания. По этой причине изучение городских песен, записанных в Чувашской Республике, представляется нам своевременным и необходимым, дополняющим историю региональной русской фольклористики новыми страницами. Цель данной статьи состоит в исследовании своеобразия символики в пределах жанра народной городской песни Чувашии.

Материал и методика исследований. Материалом исследования стали русские городские песни, собранные во время экспедиций студентами и преподавателями Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, а также тексты из архива автора публикации. Методика опирается на текстологический структурно-семантический анализ произведений песенного фольклора, бытующего в Чувашии, выявление регионального своеобразия песенной символики в контексте культурной традиции.

© Журина М. И., 2018

Журина Марина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: ds52556@chebnet.com

Статья поступила в редакцию 24.09.2018

В процессе работы применялись сравнительно-сопоставительный, системно-структурный, историко-генетический методы.

Результаты исследований и их обсуждение. Песенный фольклор, как показывает опыт проведения полевых исследований, составляет значительную часть исполнительского репертуара жителей Чувашской Республики. Ежегодно студенты факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, отправляясь в тот или иной населенный пункт Алатырского или Порецкого района Чувашии, записывают около 250 текстов частушек и 70 песен. Большинство собранных песен представляют традиционную народную лирику, есть песни советской эстрады, а также городские песни или жестокие романсы, которые настолько популярны в народной среде, что вытесняют порой традиционную лирику о любви.

Изучая региональную песенную традицию на примере Чувашского края, профессор Д. В. Абашева в 80-е гг. XX в. отмечала в экспедиционных записях в Алатырском Присурье, сделанных под ее руководством в 1978–1979 гг., значительное количество так называемых жестоких романсов или городских песен. Их сохранность объясняется, по мысли ученого-фольклориста, «тем, что в них поднимаются вопросы, волнующие и более молодое поколение, и благодаря этому усиливается фольклорная преемственность – это актуальные во все времена вопросы любви, измены, коварства, взаимоотношения любящих сердец» [1, с. 156]. В статье «Современное состояние фольклора Присурья» Д. В. Абашева впервые уделяет внимание бытованию городских песен как значимой части народного песенного репертуара и перспективам их дальнейшего рассмотрения. Долгое время городские песни, собранные в условиях Чувашского края, находились в числе незаслуженно забытых, обделенных исследовательской мыслью жанров устного народного творчества.

В современной фольклористике сложность их изучения определяется и отсутствием среди исследователей общепринятого термина для их обозначения. Терминологическая история данного явления народной культуры включает в себя такие названия, как «песни литературного происхождения», «поздняя лирика», «песни авторского происхождения», «народные романсы», «поздние баллады», «жестокие романсы» и др. В данной статье мы будем использовать словосочетание «городская песня», в соответствии с традицией употребления, сформировавшейся в трудах таких фольклористов, как М. Л. Лурье [6], С. Ю. Неклюдов [8]. Существенным представляется нам и то обстоятельство, что терминологическое обозначение «городская песня» все чаще применяется современными публикаторами и исследователями [2].

Таким образом, городской песней мы будем считать жанр песенного фольклора, городской по возникновению, преимущественно деревенский по среде бытования, вмещающий в себе черты баллады, лирической песни, романса, отличающийся мелодраматизмом, сентиментальностью, особым «интересом к жестоким драмам на почве любви и ревности» [3, с. 276] и экзотизмом [13]. Этим песням свойственно, как правило, «литературное, индивидуально-авторское происхождение, строфическая структура (часто с неточной рифмой); оппозиционность господствующей культуре» [12, с. 4].

Данная работа посвящена исследованию символики городских песен, бытующих среди русского населения Чувашии и впервые вводимых в научный оборот. Как средство создания поэтической образности, символика способствует постижению идейно-художественного содержания фольклорных произведений этого жанра, раскрывая их эстетическую ценность. В искусстве слова символ всегда имеет особенно важное значение. Как замечает И. М. Машбиц-Веров, «всякий образ условен и символичен уже потому, что в единичном воплощает общее <...> известная символичность таится в любом сравнении, параллели, даже подчас эпитете» [7, с. 349]. Обращение к символической многозначности

поздней фольклорной лирики локальной традиции позволит рассуждать о жанрово-стилевой специфике песенной символики на современном этапе.

В народной песне «Потеряла я колечко», записанной в селах Алатырского района Чувашии, символ назван уже в первой строчке, заглавии. Вторая строка содержит расшифровку его значения, подчеркнутую повтором: *Потеряла я любовь, // Я любовь*. Потерянное кольцо в поэтическом строе текста вырастает в символ утраченной любви. Безутешное горе лирической героини выражается в непрерывном плаче:

Буду плакать день и ночь,
День и ночь, наверно,
Буду плакать день и ночь

(записано в 2014 г. от Яшиной Любви Михайловны, 1954 г. р., в с. Березовый Майдан) (МФА КЛик).

В другом варианте песни символика горя дополняется безотрывными слезами:

День я плачу, ночь рыдаю,
Безотрывно слезы лью,
Ох, слезы лью, наверно,
Безотрывно слезы лью

(записано от Софьиной Екатерины, 1929 г. р., в с. Ичиксы) (МФА КЛик).

Далее использован параллелизм как один из частотных способов выражения символа в народной поэзии:

Где тот аленький цветочек,
Что долину украшал,
Украшал, наверно,
Всю долину украшал?

Где тот миленький дружочек,
Что словами улещал,
Улещал, наверно,
Все словами улещал?

(записано в 2014 г. от Яшиной Любви Михайловны, 1954 г. р., в с. Березовый Майдан) (МФА КЛик).

И цвет («аленький»), и растение («цветочек») выступают символами молодца, милого сердцу героини, прельстившего ее своими речами, подобно украсившему долину цветку.

Сюжет песни, относящейся к тематической группе «Самоубийство», согласно классификации Е. В. Петренко, М. В. Строганова [9], осложняется мотивом незаконнорожденного ребенка («малютки»), оставшегося на руках покинутой девицы. На этом текст песни, зафиксированной в 2014 г. в с. Березовый Майдан, обрывается. Как видим, фольклорное произведение бытует в усеченном варианте, сохранившем драматизм переживания, но избежавшем трагической концовки – самовольного расставания с жизнью.

Участь девицы, безутешной в своем горе, символически передается в строчках, завершающих песню из с. Ичиксы:

Сколько раз я утоплялась –
Не достала моря дна,
Моря дна, наверно,
Не достала моря дна.

Эта лента голубая
Украшала берега,
Ах, берега, наверно,
Украшала берега

(записано от Софьиной Екатерины, 1929 г. р., в с. Ичиксы) (МФА КЛиК).

Голубая лента, оставленная героиней, символизировала у славян сиротство, одиночество и соответствовала цвету воды.

Кольцо как знак верной женской любви блестит на руке героя песни «Скакал казак через долину...»:

Кольцо казачка подарила,
Когда казак пошел в поход.
Когда дарила, говорила,
Что через год будет его

(записано в 2001 г. от Чевакиной Надежды Ивановны, 1937 г. р., в с. Ичиксы) (МФА КЛиК).

Однако сердечная благосклонность казачки оказывается недолгой, скоротечной, и казак избавляется от кольца, напоминающего теперь об измене возлюбленной.

В песне «Степь да степь кругом...» умирающий ямщик наказывает товарищу:

А жене моей
Передай кольцо,
Кольцо обручальное

(записано в 2002 г. от Кузнецовой Марии Михайловны, 1923 г. р., в с. Явлеи) (МФА КЛиК).

Являясь символом крепких брачных уз, кольцо, по народным убеждениям, не должно быть погребено с умершим супругом, если жив другой венчанный супруг, который еще не завершил свой земной путь.

Символическое значение кольца раскрывается в параллелизме песни «При бурной ноченьке туманной...»:

Твое-то золото колечко,
Оно в коробочке лежит,
Твое-то ретиво сердечко,
Оно об миленьком болит

(записано в 2005 г. от Лениной Зинаиды Емельяновны, 1935 г. р., в с. Ивановково-Ленино) (МФА КЛиК).

Душевному смятению, сердечной тоске потерявшей возлюбленного героини соответствует пейзажный зачин: *При бурной ноченьке туманной // Скрывался месяц в облаках* (записано в 2005 г. от Лениной Зинаиды Емельяновны, 1935 г. р., в с. Ивановково-Ленино) (МФА КЛиК).

Как известно, месяц в фольклоре довольно часто символически воплощает жениха, например, в свадебной заклинательной песне:

Как (из)-за лесу темного,
Из-за гор (из)-за высоких
Восходил ясен месяц
И за ним красно солнце:
Ясен месяц – Ефимушка,
Красное солнце – Графенушка!.. [5, с. 248]

Скрытый месяц может быть уподоблен утраченному возлюбленному.

Тревожное настроение усиливается указанием на место действия: *На ту зеленую могилку // Пришла красавица в слезах* (записано в 2005 г. от Лениной Зинаиды Емельяновны, 1935 г. р., в с. Ивановско-Ленино) (МФА КЛик).

Цветовая характеристика могилы отвечает дальнейшим событиям песни. Зеленый, по народным представлениям, символизирует надежду, в данном тексте – на встречу с милым другом, его пробуждение. Раздавшийся из гроба голос прогоняет героиню, преграда между любящими непреодолима: *Уйди, уйди прочь, лиходейка, // Мне без тебя лежать тоска* (записано в 2005 г. от Лениной Зинаиды Емельяновны, 1935 г. р., в с. Ивановско-Ленино) (МФА КЛик).

Золотое кольцо, возникающее в финале песни, становится символом пылких сердечных страданий от потерянной любви.

В литературной по происхождению песне «Кольцо души-девицы...» драгоценный дар символизирует земное счастье взаимной любви:

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С тем кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне давеча сказала:
«Носи! И не теряй!
Пока кольцо с тобою,
Меня своей считай!»

(записано в 2004 г. от Лядашевой Надежды Дмитриевны, 1921 г. р., в с. Сурский Майдан) (МФА КЛик).

Как видим, изначальный текст «Песни» В. А. Жуковского усвоен фольклорной традицией с некоторыми изменениями. Вместо *моим* в народном исполнении появилось *тем*, а оборот *дав его* преобразован в просторечное *давеча*. При этом и авторское, и фольклорное произведения отразили народное представление о кольце как символе крепости, постоянства и бесконечности земной любви. Недаром народная мудрость гласит: *У кольца, да у венца не найдешь конца. У кольца нет конца* [10, с. 649]; *Любовь – кольцо, а у кольца нет конца* [11, с. 303]. Вот только с его утратой героя покидают и веселье, и надежда.

Поэтический строй городских песен отличают числовые символы. Число 3 издавна символизировало завершенность, единство и максимальную полноту, динамическую целостность мироздания. Неслучайно обещанного именно три года ждут. В русском фольклоре два контрастных начала уравниваются третьим. Два – обычные, а третье – особенное. Подобное представление является основой сюжетной завязки песни «В одном прекрасном месте...»:

Рыбак с своей рыбачкой
Рыбачили с утра.
У них было три сына –
Красавцы хоть куда.
Один любил крестьянку,
Второй любил княжну,
А третий – молодую
Охотника жену

(записано в 2004 г. от Карпова Михаила Федоровича, 1931 г. р., в с. Сурский Майдан) (МФА КЛик).

Кульминационная встреча охотника с цыганкой построена на карточной символике гаданий:

Цыганка молодая
Умела ворожить,
Раскинув она карты,
Боялась говорить.
Жена, говорит, твоя злодейка:
Десятка так лежит,
А туз виной – могила –
Тебе принадлежит

(записано в 2004 г. от Карпова Михаила Федоровича, 1931 г. р., в с. Сурский Майдан) (МФА КЛиК).

Ворожба на картах возникла в городах и отразилась в жанре городской песни. Дальнейшие события в тексте подтверждают верность предсказания цыганки. Развязкой становится тройное убийство, совершенное охотником, заставшим свою жену в объятьях рыбака:

И выстрел тут раздался –
Рыбак на землю пал.
За ним жена молодая,
Потом охотник сам

(записано в 2004 г. от Карпова Михаила Федоровича, 1931 г. р., в с. Сурский Майдан) (МФА КЛиК).

Тройная смерть, подчеркнутая градацией, символически передает глубокий трагизм любовных взаимоотношений внутри треугольника.

Христианский символ мучительных страданий и смерти – терновый венок – позволяет выразить горестные переживания покинутой возлюбленным героини народной городской песни «Ты вспомнишь уголок уютный...». Обещанный венец («Ты обещал венец...») позабыт ради буржуйки, земные дни безутешной девицы сочтены:

Вот скоро, скоро, друг мой милый,
Венок терновый мне сплетут,
Венок терновый, гроб тесовый,
Меня на кладбище несут

(записано от Лениной Зинаиды Емельяновны, 1935 г. р., в с. Ивановско-Ленино) (МФА КЛиК).

Анафора во втором и третьем стихах четверостишия передает народное сочувствие участи безвинно и невыносимо тяжело страдающей героини.

Образ невинной жертвы символически воплощается в песне «У церкви стояла карета...», записанной также в варианте «Зачем ты, безумная, губишь...». Пышная свадьба изображается от лица очевидца – случайного стороннего наблюдателя или отвергнутого возлюбленного. Однако оба они потрясены зрелищем неотвратимого несчастья героини. Невеста, чья красота выделяется среди нарядных гостей, наделена символическими атрибутами: *На ней было белое платье, // Венок был приколот из роз* (записано в 2015 г. от Борисовой Надежды Николаевны, 1964 г. р., в с. Атрать) (МФА КЛиК).

Белизна наряда и цветочный венок подчеркивают в народной традиции цветущую красоту, природное совершенство и непорочность невесты.

Страдания девушки раскрываются благодаря христианскому символу распятия, к которому устремлен ее взор: *Она на святое распятие // Смотрела сквозь радугу слез* (записано в 2015 г. от Борисовой Надежды Николаевны, 1964 г. р., в с. Атрать)

(МФА КЛиК). Распятие актуализирует символическое значение жертвенного начала и предвещает гибель героини.

Нежелание девушки вступать в брак проявляется в отношении к его символу – золотому кольцу:

Когда ей священник на палец
Надел золотое кольцо,
Из глаз ее горькие слезы
Ручьем потекли на лицо

(записано в 2015 г. от Борисовой Надежды Николаевны, 1964 г. р., в с. Атрать) (МФА КЛиК).

Драгоценный предмет становится источником горьких слез. Незавидная доля героини – погибнуть в несчастливом супружестве: *Напрасно девицу сгубили!* (записано в 2015 г. от Борисовой Надежды Николаевны, 1964 г. р., в с. Атрать) (МФА КЛиК).

Неслучайно роза, традиционный символ цветущей девичьей красоты, обречена увянуть: *Завянут прекрасные розы, // Напрасно их так берегли!* (записано в 2005 г. от Умниковой Зинаиды Андреевны, 1936 г. р., в с. Ивановско-Ленино) (МФА КЛиК).

В народной песне «Ванька-ключник», восходящей к тексту В. В. Крестовского, символика замужней женщины выражается образным параллелизмом:

Спела ягодка лесная
Под прикрытием росла,
Свет княгиня молодая
С князем в тереме жила

(записано в 2018 г. от Федоровой Татьяны Алексеевны, 1948 г. р., в с. Порецкое) (МФА КЛиК).

Сила запретной любви героини выражается с помощью сравнительного оборота: *А ведь льнула же она к детине, // Что сорочки к плечу* (записано в 2018 г. от Федоровой Татьяны Алексеевны, 1948 г. р., в с. Порецкое) (МФА КЛиК).

Уязвимость героя также передается путем фольклорных сравнений: *Ветер Ванюшку качает, // Что былинку на меже* (записано в 2018 г. от Федоровой Татьяны Алексеевны, 1948 г. р., в с. Порецкое) (МФА КЛиК).

Резюме. Таким образом, в текстах городских песен, собранных в Чувашии, преобладает, по терминологии Н. П. Колпаковой, «символика горя» [4, с. 207]. Исторические корни городской песни связаны с разрушением традиционной крестьянской семьи, с драматизмом переживаний человека, открывшего для себя свободу индивидуального чувства, не всегда встречающего взаимность. Символика записанных песен многообразна по своему составу, включает числовые, цветочные, растительные и христианские символы. При этом большинство из них связаны со свадебной и похоронной обрядностью, передавая психологические состояния персонажей обрядового действия. Поэтическая символика городских песен выражается различными стилистическими фигурами (параллелизм, анафора) и композиционными элементами, присутствует в зачине, образует завязку, кульминацию, развязку. Способствуя наиболее отчетливому выражению мыслей, чувств, настроений, песенная символика позволяет раскрыть идейно-эмоциональное своеобразие данного жанра русской народной лирики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашева Д. В.* Современное состояние фольклора Присурья // Русский фольклор. Полевые исследования. Т. 23. – Л.: Наука, 1985. – С. 153–157.
2. *Городские песни, баллады и романсы / сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова.* – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. – 623 с.

3. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор : учебник для высших учебных заведений. – М. : Флинта ; Наука, 2002. – 400 с.
4. Колтакова Н. П. Русская народная бытовая песня. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 284 с.
5. Круглов Ю. Г. Русский обрядовый фольклор. – 2-е изд. – М. : Советский писатель, 2000. – 362 с.
6. Лурье М. Л. Городская песня в деревне (из старой дискуссии о новых песнях) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Филологические науки. Литературоведение и фольклористика. – 2011. – № 9(71). – С. 124–141.
7. Машибиц-Веров И. М. Символ // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – С. 348–349.
8. Неклюдов С. Ю. Городская песня: память детства // Живая старина. – 2011. – № 1. – С. 19–22.
9. Петренко Е. В., Строганов М. В. Жестокие романсы Тверской области. Все несчастные семьи похожи друг на друга. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2014. – 171 с.
10. Пословицы русского народа : сборник В. И. Даля : в 2 т. Т. 1. – СПб. ; М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. – 685 с.
11. Пословицы русского народа : сборник В. И. Даля : в 2 т. Т. 2. – СПб. ; М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. – 638 с.
12. Рычкова Н. Н. Городская песня в деревне: функция, структура, сюжет (на примере Хакасско-Минусинской котловины) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09. – М., 2016. – 662 с.
13. Тростина М. А. Жестокий романс: жанровые признаки, сюжеты и образы // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, история, лингвистика : межвузовский сборник научных трудов. Вып. IV. – Саранск, 2003. – С. 197–202.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

МФА КЛик – материалы фольклорного архива кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

UDC 398.8(=161.1)(470.344)

M. I. Zhurina

SYMBOLISM OF URBAN SONGS RECORDED IN CHUVASHIA

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article examines the symbolism of urban songs recorded from Russian residents of Alatyr and Poretsky districts of the Chuvash Republic, and investigates for the first time. The work stresses the predominant character of the symbolism within the given genre of folklore; studies the heterogeneity of the song symbolism represented by numerical, colour, floral, and Christian symbols; examines some stylistic and compositional forms of its expression; reveals regional and genre-stylistic specificity.

Keywords: *urban song, symbolism, poetics, genre, Chuvashia, parallelism.*

REFERENCES

1. Abasheva D. V. Sovremennoe sostoyanie fol'klora Prisure'ya // Russkij fol'klor. Polevye issledovaniya. Т. 23. – Л. : Nauka, 1985. – S. 153–157.
2. *Gorodskie pesni, ballady i romansy / sost., podgot. teksta i komment. A. V. Kulaginoj, F. M. Selivanova.* – М. : MGU im. M. V. Lomonosova, 1999. – 623 s.

© Zhurina M. I., 2018

Zhurina, Marina Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Cultural Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: ds52556@chebnet.com

The article was contributed on September 24, 2018

3. Zueva T. V., Kirdan B. P. Russkij fol'klor : uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenij. – M. : Flinta ; Nauka, 2002. – 400 s.
4. Kolpakova N. P. Russkaya narodnaya bytovaya pesnya. – M. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. – 284 s.
5. Kruglov Yu. G. Russkij obryadovyj fol'klor. – 2-e izd. – M. : Sovetskij pisatel', 2000. – 362 s.
6. Lur'e M. L. Gorodskaya pesnya v derevne (iz staroj diskussii o novykh pesnyakh) // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki. Literaturovedenie i fol'kloristika. – 2011. – № 9(71). – S. 124–141.
7. Mashbic-Verov I. M. Simvol // Slovar' literaturovedcheskikh terminov / red.-sost. L. I. Timofeev, S. V. Turaev. – M. : Prosveshhenie, 1974. – S. 348–349.
8. Neklyudov S. Yu. Gorodskaya pesnya: pamyat' detstva // Zhivaya starina. – 2011. – № 1. – S. 19–22.
9. Petrenko E. V., Stroganov M. V. Zhestokie romansy Tverskoj oblasti. Vse neschastnye sem'i pokhozhi drug na druga. – Tver' : Tverskoj gos. un-t, 2014. – 171 s.
10. Posloviцы russkogo naroda : sbornik V. I. Dalya : v 2 t. T. 1. – SPb. ; M. : Izd. knigoprodavca-tipografa M. O. Vol'fa, 1879. – 685 s.
11. Posloviцы russkogo naroda : sbornik V. I. Dalya : v 2 t. T. 2. – SPb. ; M. : Izd. knigoprodavca-tipografa M. O. Vol'fa, 1879. – 638 s.
12. Rychkova N. N. Gorodskaya pesnya v derevne: funkciya, struktura, syuzhet (na primere Khakassko-Minusinskoj kotloviny) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.09. – M., 2016. – 662 s.
13. Trostina M. A. Zhestokij romans: zhanrovyje priznaki, syuzhety i obrazy // Novye podkhody v gumanitarnykh issledovaniyakh: pravo, filosofiya, istoriya, lingvistika : mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Vyp. IV. – Saransk, 2003. – S. 197–202.